

Научная статья

УДК 811.161.1'37

DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-158-182

**Рефрейминг слова *вдохновлять*:
от опции к миссии**

Татьяна Валерьевна Леонтьева

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

t.v.leontieva@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>

Аннотация

Выявлена динамика понятийного содержания русского слова *вдохновлять*. Проводится реконструкция «коммуникативного сюжета», который выступает референтом для анализируемой номинации. По материалам Национального корпуса русского языка, а также текстов, размещенных в интернет-ресурсах, сделана выборка текстовых фрагментов со словом *вдохновлять*. Выполнен анализ сочетаемости слова с целью его семантической реконструкции. Утверждается, что слово претерпело «ценностный рефрейминг». Слово *вдохновлять* рассматривается как одно из средств лексической репрезентации феномена влияния в социальных сетях. Сообщается, что оно стало частотно использоваться в блогах в форме 1-го лица: *вдохновляю*. Подчеркивается, что эта особенность не соответствует традиционному словоупотреблению данной языковой единицы в предшествующие годы. Утверждается, что грамматические и семантические особенности функционирования этого слова в современной речевой практике свидетельствуют о модификации закрепленной за этим языковым знаком ценностной категории.

© Леонтьева Т. В., 2022

ISSN 2307-1737

Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 158–182
Critique and Semiotics, 2022, no. 1, pp. 158–182

Ключевые слова

семантика, неология, аксиология, ценности молодежи, сетевая коммуникаций, культура влияния

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31221 «Эволюция самоидентификации молодежи в эпоху мультикризисности: данные языка и дискурса»

Для цитирования

Леонтьева Т. В. Рефрейминг слова *вдохновлять*: от опции к миссии // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 158–182. DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-158-182

Reframing the Word *vdokhnovlat'* [*inspire*]: From Option to Mission

Tatyana V. Leontyeva

Ural Federal University

named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

Ekaterinburg, Russian Federation

t.v.leontyeva@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>

Abstract

The dynamics of the conceptual content of the Russian word *inspire* is revealed. The reconstruction of the “communicative plot”, which acts as a referent for the analyzed nomination is carried out. Based on the materials of the National Corpus of the Russian Language, as well as texts posted on Internet resources, a selection of text fragments with the word *inspire* was made. The analysis of the word collocation has been carried out with the aim of its semantic reconstruction. It is argued that the word has undergone a “value reframing”. The word *inspire* is seen as one of the means of lexical representation of the phenomenon of influence in social networks. It is reported to have come to be used frequently in blogs in the form of 1 person: *I inspire*. It is emphasized that this feature does not correspond to the traditional word use of this linguistic unit in previous years. It is argued that the grammatical and semantic features of the functioning of this word in modern speech practice indicate the modification of the value category assigned to this linguistic sign.

Keywords

semantics, neology, axiology, youth values, network communications, culture of influence

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR and EISR, project no. 21-011-31221 “Evolution of youth self-identification in the era of multicrisis: language and discourse”

For citation

Leontyeva T. V. Reframing the Word *vdokhnovlat'* [*inspire*]: From Option to Mission. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 1, pp. 158–182. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-158-182

Введение

Лингвисты, изучающие лексическую семантику, в особенности исследователи неологии, уделившие внимание номинациям из обширного множества единиц, описывающих человека и общество, едва ли не каждой своей работой доказывают, что слово выступает объективным средством фиксации социальных сущностей трансформаций (см. [Бородулина, Макеева, 2021; Гридина, Ваулина, 2013; Дементьев, 2013; Зализняк и др., 2008; Касьянова, 2008; Катермина, Липириди, 2019; Коновалова, 2020; Кронгауз, 2012; Курьянович, Охолина, 2019; Левонтина, 2019; Леденева, 2012; Никифорова, 2021; Рацибурская, 2012; Урысон, 2011; Федяева, Демченков, 2016; Шаховский, 2016; Шмелев, 2020; Шулежкова, 2019; Щетинина, 2021; Varinova, Ovchinnikova, 2020; Pushkareva, 2018] и мн. др.). Специалисты, представляющие как русскую, так и зарубежную научную традицию, согласны в том, что «традиционные теории концептуализируют язык как способ индексирования референтов, ярлык для доступа к значению или способ доступа к значению через ассоциации слов» (перевод наш. – Т. Л.) [Voghi et al., 2019, p. 120].

Если говорить о динамике состава лексикона, обусловленной трансформацией понятийного слоя при сохранении «лексической оболочки», то надо заметить, что она представляет интерес не только для лингвистов, но и для социологов, философов, антропологов, этнологов, политологов, поскольку изменение содержательной стороны языкового знака интерпретируется специалистами как имплицитный сигнал к познанию изменившейся, переосмысленной носителями языка действительности. Часто он воспринимается как сигнал тревожный именно из-за того, что изменение произошло скрыто, незаметно, а это всегда несет опасность гуманитарных катастроф. Небольшие изменения в поведении людей аккумулируются и спустя время приводят к отложенным последствиям, которые уже невозможно или трудно будет отменить. В изменившемся слове нужно своевре-

менно увидеть изменившийся социум: «Появление новых слов или новых значений у старых слов означает, что мир вокруг нас изменился. В нем либо появилось что-то новое, либо что-то существующее стало важным настолько, что язык (а в действительности мы сами) создает для него имя. В последнее время в русском языке появилось столько новых слов, что лингвисты не успевают следить за ними и издавать словари» [Кронгауз, 2010, с. 69].

Социальные изменения могут касаться любых сторон жизни общества и человека в нем, но особая чуткость нужна в выявлении слов, маркирующих ценности, этические категории, предпочтения: «Новации в семантике “старых” слов с наибольшей наглядностью позволяют увидеть “эстафету” ценностей» [Березович, 2014, с. 423]. При этом слово может не являться прямой номинацией ценности, но служить знаком эпохи.

Обращение к диахроническому аспекту функционирования слова часто приводит к осмыслению языка молодого поколения и этими же изменениями инициируется: заметные перемены в том, как говорит молодежь, дают импульс к анализу языковой ретроспективы. Отличия в речи и лексиконе людей разных возрастных групп всегда остаются предметом живого внимания и научной рефлексии: «Рассмотрение языка в контексте культуры повседневности позволяет выделять в структуре повседневности лингвистическое (языковое) пространство <...> В качестве одного из компонентов лингвистического пространства культуры повседневности выделяется язык молодежи как крупная социолингвистическая и социокультурная конгломерация в социально-стратификационном пространстве русского языка» [Разумовская, 2010, с. 176]; «За последние 10–15 лет наш лексикон изменился очень сильно <...> Часто отношение к “лексическим новинкам” определяется возрастом, грамотностью, профессией или, шире, – социальным положением. У слов, как и у людей, есть свой характер, своя популярность, свой престиж» [Кронгауз, 2010, с. 81–82].

Можно ли на основе анализа слов, их семантики, практики использования в речи делать выводы о личности или собирательной личности носителей языка, о картине мира, культурной специфике? Дискуссии об этом то утихают, то вновь разгораются [Шмелев, 2014], но всё же очевидно, что положительное решение вопроса возможно при условии корректности избранных методик анализа материала. В зарубежной лингвистике используется термин *социальное значение*, номинирующий комплекс сем и коннотаций в составе значения языковой единицы, свидетельствующий о параметрах личности, в лексиконе которой присутствует слово: «Термин

социальное значение определяет совокупность черт, которые языковые формы сообщают о социальной идентичности своих пользователей, например, их демографические характеристики, личность и идеологическая ориентация. Эта категория значения, являющаяся центральной темой исследований социолингвистики и лингвистической антропологии, традиционно выходит за рамки семантики и прагматики» [Beltrama, 2020].

В статье мы сконцентрируемся на вопросе референции между языковым знаком и социокультурным фоном. Виртуальная среда формирует у молодежи новые поведенческие установки, одна из которых стала предметом нашего внимания. Ее языковым индексом является не новая лексема, не заимствование, как это часто бывает при появлении новых реалий, а хорошо известное слово, давно функционирующее в русском языке: *вдохновлять*.

1. Происхождение слова *вдохновлять*

Виктор Владимирович Виноградов в книге «История слов» [1994] посвятил параграф этому глаголу, вошедшему в практику употребления в 20–30-х гг. XIX в. и заменившему собою слова *вдыхать*, *одушевлять* (ср.: в языке Державина: *Вдохни, вдохни* ей также страсти... / Она *вдохнуть* вам в грудь умела, / Чтоб руки на царя поднять).

Глагол появился как новообразование от *вдохновение* или *вдохновенный*, восходящих к *вдохнуть*. Такой путь словопроизводства осознавался людьми, чуткими к словам и строю языка, как «уродливый», идущий в разрез с традиционными словообразовательными моделями языка; В. В. Виноградов приводит много свидетельств неприятия нового глагола филологами.

Николай Иванович Греч выражал гневный протест: «Что сказать о тех уродливых исчадиях прихоти, безвкусыя и невежества, которые насильно вторгаются в наш язык, ниспровергают его уставы, оскорбляют слух и здравый вкус! Таковы, например, слова: *вдохновить*, *вдохновитель*, *вдохновительный*. ... Но эти слова варварские, беспаспортные, и места им в русском языке давать не должно. Они производятся от слова *вдохновение*, которое само есть производное от глагола *вдохнуть*» [Там же].

Его сын, Алексей Николаевич Греч, отказывал этому глаголу в самом праве на жизнь, отрицал законность его места в речи культурного человека: «Слов *вдохновить* и *вдохновлять* нет в русском языке. Они встречаются

ся только у писателей, которые не обращают внимания на произведение слов, употребляемых ими» [Виноградов, 1994].

Я. К. Грот характеризовал это слово как «безобразное и неправильное», прочертив его «предосудительный» способ рождения: «От гл. *вдохнуть* произошло причастие *вдохновенный* (как от *обыкнуть* – *обыкновенный*), а от причастия, уже совершенно наперекор грамматике и логике, образовано *вдохновить, вдохновлять*».

Но все же слово с такой неоднозначной родословной, слово-бастард, закрепилось в языке, об этом пишут составители словаря «Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»: «Между тем общее употребление быстро ассимилировало эти слова, и они потеряли отпечаток необычности, искусственности и т. д. (ср. в 19 в. судьбу слов *будущность, вдохновлять, влиять* и др.)» [НСиЗ, 2009, т. 1, с. 8–9].

2. История и значения слова *вдохновлять* в XIX–XX веках

Комментируя дальнейшую жизнь глагола, В. В. Виноградов отмечает расширение круга его значений: «Глагол *вдохновить*, кроме своего основного значения (‘пробудить вдохновение в ком-нибудь, воодушевить’), с 60–70-х г. XIX в. стал применяться также в расширенном смысле: ‘побудить, подстрекнуть к какому-нибудь не вполне обычному действию’ (*вдохновить* кого на подвиг, на преступление)» [Виноградов, 1994].

Различия в значениях, разделяемых Виноградовым, едва заметны, может показаться, и действительно – в Большом академическом словаре этот глагол подается как имеющий одно значение, но в составе дефиниции представлены оба оттенка: «Приводить кого-либо в состояние творческого умственного подъема; побуждать к каким-либо действиям, поступкам; воодушевлять» (ССРЛЯ, вып. 2, с. 101). Во втором оттенке упущена лишь одна сема – ‘необычный’.

В Малом академическом словаре те же семантические слоты поданы в качестве значений, и тоже не упоминается сема ‘необычный, выдающийся’: «1. пробудить, вызвать вдохновение; 2. *на что* побудить к каким-либо действиям, поступкам, воодушевить» (СлРЯ, т. 1, с. 143–144).

В «Толковом словаре русских глаголов», подготовленном под редакцией Л. Г. Бабенко, глагол *вдохновлять* определен как имеющий значение ‘вызывать у кого-либо состояние творческого подъема, прилива творче-

ских сил, побуждая к совершению чего-либо' и отнесен к числу глаголов приведения в эмоциональное состояние (ТСРГ, 1999, с. 532).

Тюлай Акбаба, изучающая в аспекте лингводидактики глаголы передачи информации, выделяет среди них группу слов с признаком каузации, к которой и относит глагол *вдохновлять*: «Глаголы ПИ с признаком каузации могут иметь значения: 1) 'вызвать чувства' (вдохновлять, веселить, вселять уверенность, вызвать недоверие, деморализовать, ободрять, породить сомнения, посеять рознь / разногласия; 2) 'стать причиной действия' (вдохновлять, велеть, вербовать, вызвать недоверие, вынуждать, грозить, грозиться, диктовать...))» [Акбаба, 2020, с. 10]. Судя по тому, что она относит этот глагол к двум подгруппам, она различает две семы: вызвать чувство, побудить к действию.

3. Семантико-грамматические валентности слова *вдохновлять* в XIX–XX веках

Однако словарные описания не вполне точно отразили семантико-грамматическую рамку глагола, его валентности. В словарях содержится указание на две зависимые синтаксические позиции: вдохновлять – кого, на что. Однако каков субъект действия, предполагается ли деятель?

В материалах Национального корпуса русского языка (НКРЯ) обнаруживаем с 20-х гг. XIX в. преимущественно такие употребления этого глагола, в которых агенсом выступают идеальные сущности, абстракции или Бог:

- (1) *Иванов просил у бога, чтобы... вдохновил бы его так изобразить это обращение, чтобы умилился и нехристианин, взглянувши на его картину* (Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями, 1843–1847);
- (2) *...память брата, верно, вдохновит тебя* (М. А. Корф. Записки, 1838–1852);
- (3) *...воспоминание обь одной изь такихъ минутъ вдохновило автора* (А. В. Дружинин. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике, 1850);
- (4) *В начале XVII в. сыновняя любовь вдохновила некоторого Калистрата, по прозванию Дружину, Осорьина, описать житие своей ма-*

- тери Юлиании Лазаревской (Ф. И. Буслаев. Идеальные женские характеры Древней Руси (1858);
- (5) *Его шероховатый, неметеный слог, грубая манера бросать корноухие, обгрызанные отметки и нежеванные мысли, вдохновил меня как-то в старые годы, и я написал в подражание ему небольшой отрывок из «Путевых записок Ведрина»* (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть четвертая. Москва, Петербург и Новгород, 1857);
- (6) *Последние события в Польше вдохновят еще не одного поэта, не одного художника* (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть шестая. Англия, 1864);
- (7) *Пусть ваш высокий пример пролетит в наши души тот святой огонь, который жег ваши сердца, пусть он вдохновит на подвиг нас и ваших преемников* (Листок Народной воли. Социально-революционное обозрение, № 1, 1880);
- (8) *Спрашиваем, что могло бы вдохновить хотя бы и Пушкина при виде пахущего пашню мужика, его клячи и сохи?* (Г. И. Успенский. Крестьянин и крестьянский труд, 1880);
- (9) *Негодование* вдохновило его написать «Думу» – затем он впадает в мрачное настроение души – в апатию (П. А. Висковатов. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова, 1891);
- (10) *...страсть может вдохновить на великие лирические произведения* (К. Н. Леонтьев. Воспоминания, 1880–1888);
- (11) *Древняя драматургия – античная – до сих пор продолжает вдохновлять людей театра на поиски современного сценического языка* (И. Ю. Промптова. «Медея» в Эпидавре (август 2003 г.). 2013);
- (12) *Пьеса А. С. Пушкина имеет интересную судьбу в отечественной музыкальной культуре, продолжая вдохновлять современных авторов на создание новых произведений* (М. Холодова, Е. Семенцова. «Пир во время чумы» А. С. Пушкина в отечественной музыке XX–XXI вв., 2020);
- (13) *Богатая христианская традиция весьма плюралистична и вариативна, а следовательно, способна вдохновлять на творческое и глубокое переосмысление прошлого и настоящего* (О. Б. Давы-

дов. «Новое богословие» в контексте эволюции католической мысли, 2017);

- (14) *Отныне главной становится дидактическая, воспитательная роль искусства, которое призвано вдохновлять массы* (В. П. Булычева. Советская приключенческая сказка первой половины XX века, 2014);
- (15) *И только чудодейственное добро любящего сердца способно пробуждать в людях все самое чистое и светлое, вдохновлять на подвиги и победы* (И. П. Клемантович. Любовь в семье как моральная и культурная ценность, 2016) (НКРЯ) и др.

Значительно реже встречаются в этом массиве контекстов такие, в которых исполнителем действия является человек:

- (16) *Это вы меня вдохновили; прежде я очень дурно играла* (А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов, 1869);
- (17) *Такова леди Макбет, которая подала кинжал своему мужу, подкрепила и вдохновила его сатанинским величием своего отвержения от всего человеческого и женственного...* (В. Г. Белинский. «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова, 1839);
- (18) *Он сам не в состоянии совершить преступление, он может лишь составить план и вдохновить других, близких; а где они?* (Н. Э. Гейнце. В тине адвокатуры, 1893);
- (19) *Организатор при этих условиях он был плохой, но зато в газету внес оживление, увлекательную силу веры в правду и сумел вдохновить других работавших в ней своим юношеским экстазом* (Вас. И. Немирович-Данченко. Сластеновские миллионы, 1893);
- (20) *Чикунина своим пением вдохновила меня!* (Л. А. Чарская. Записки институтки, 1901) (НКРЯ).

Итак, в подавляющем числе контекстов реализуется семантико-синтаксическая модель «что вдохновляет кого (на что)».

В количественно уступающих примерах словоупотреблений, которые предполагают наличие деятеля-человека, заметим, часто появляется инструментальная составляющая: «кто вдохновляет кого **чем**».

Таким образом, мы имеем две модели «что вдохновляет кого / на что» или «кто вдохновляет кого чем», в которых объективированы объектная составляющая (*кого*), целевая (*на что*) и инструментальная (*чем*).

Еще одна неочевидная, но важная, как будет показано далее, особенность речевого стандарта употребления анализируемого глагола в речи: обычно говорящий (пишущий) субъект использует это слово для характеристики действий другого человека, но не своих действий, т. е. глагол не выступает в роли автодескриптора субъекта речи.

Заметим, что в таком обличье глагол существует на протяжении неполных двух веков. Пожалуй, мы не ошибемся, если укажем, что оно занимает свою нишу среди лексем, принадлежащих к высокому стилю, и что оно сослужило службу советской идеологии с ее ориентированностью на идеалы и образцы, которым рекомендовано было следовать, и потому было вовлечено в парадигму языковых «ключей» идеологического языка: идеальные сущности *труд, трудовой подвиг, победы, достижения* назывались *вдохновляющими на труд и подвиг*.

4. Семантико-грамматические дискурсивные трансформации слова *вдохновлять* в XXI веке: *я вдохновляю* как личная миссия

В последнее десятилетие слово *вдохновлять* подверглось преобразованиям в связи с необычными речевыми реализациями. В сетевом интернет-общении стремительно набрал популярность слоган «*Я вдохновляю*». Глагол стал частотно использоваться в форме 1-го лица: *вдохновляю*. Между тем эта особенность не соответствует традиционному словоупотреблению данной языковой единицы в предшествующие годы, находится в противоречии с ним, поскольку в таком варианте выступает выразителем новых ценностей – осознанного стремления оказывать влияние на многих, быть значимым в сообществе, быть примером для некоторой группы, для аудитории пользователей.

В основном корпусе НКРЯ форма 1-го лица ед. ч. встречается всего в 4 случаях (один повторяется дважды) из 1 284 вхождений этого глагола (включая причастия и деепричастия). При этом иллюстрации принадлежат к XX в. и представляют собой либо часть рассуждения о себе, либо манифест вполне в духе сегодняшнего дня, однако, подчеркнем, встроенный в крепко сбитый ряд однородных членов предложения, с одной стороны, демонстрируя изначально заложенную грамматическую возможность об-

разования формы, с другой – подтверждая нечастотность ее введения в речь:

- (21) *...я-то все это знаю, обо всем этом говорю, других **вдохновляю**, а сам остаюсь мертв, бездейственен...* (митрополит Антоний (Блум). Последнее содержание жизни, 1990);
- (22) (Довженко в 1935 году): *Наша работа, работа художников Советской страны, создающих искусство синтетическое, позитивное, основанное на да... на утверждении: понимаю, **вдохновляю**, учу* (Ю. П. Анненков. Дневник моих встреч, 1966);
- (23) *Я его **вдохновляю** и даю ему идеи* (Е. А. Дьяконова. Дневник русской женщины, 1902) (НКРЯ).

Однако приблизительно с 2010 г. в речи молодого поколения число употреблений декларативной предикативной конструкции «Я вдохновляю» нарастает, как снежный ком.

На различных интернет-ресурсах это слово обнаруживается в текстах записей в аккаунтах, блогах, размещается в личном профиле в качестве «статуса» (личного заявления, опубликованного посредством интернет-связи на личной странице в социальной сети или на сервисе мгновенных сообщений), служит хештегом (ключевым словом для облегчения поиска информации по теме), а также функционирует в составе онимов – имен собственных, являющихся названиями объявленных конкурсов, акций, книг и др.:

- (24) блог психолога: **Вдохновляю** себя и вас на недельный челлендж #ДетоксЗавтрак (Детокс-канал. Detoxme, 2020) (АА)¹;
- (25) объявление на сервисе вакансий и объявлений: *После нашей беседы жизнь заиграет по-новому. С радостью поделюсь опытом счастливой жизни! **Вдохновлю** на подвиги и вселю уверенность! Знаю нестандартные решения в любой ситуации. Имею свежий и весёлый взгляд на жизнь. Можно общаться голосовым и сообщениями* (Собеседница: Вдохновляю на подвиги // Авито, 2020);
- (26) статус: *Позволяя себе быть счастливым, я **вдохновляю** на счастье других людей* (пользователь mumotiki, 2020) (АА);

¹ АА – Архив автора статьи.

- (27) хештег: *Напомним, что участникам нужно было выложить на своей странице в любой социальной сети вдохновляющую фотографию с велосипедами, отметить её тегом #явдохновляю и ждать решение жюри (Let's bike it! 2013) (AA);*
- (28) название книги: *Виктория Максимчук. «А что бы сделал ты? Вдохновляю тебя размышлять...», ISBN 978-5-4483-9324-2 (2017) (AA).*

В силу своей популярности в интернет-общении слово попало в стихотворные строки:

- (29) *Я вдохновляюсь день за днём. И, параллельно, вдохновляю. Всех тех, чьи жизни бьют ключом, Кто толк в удаче понимает (С. Суворинов // Стихи.ру. 2021) (AA).*

В речи слово *вдохновлять* в форме 1-го лица ед. ч. приобрело статус популярного личного манифеста, миссии, краткого емкого обозначения жизненного принципа:

- (30) *Самое приятное для меня – слышать, что я вдохновляю. Это действительно круто! Как некая миссия в этом Мире! Я и сама обожаю и в вечном поиске тех самых людей, что будут вдохновлять на творчество, на поступки, на решения, свершения, покорения... на жизнь. И как же приятно быть этим человеком для кого-то, наверное только ради этого уже хочется существовать и двигаться дальше (Не придумала // Medium.com. 2018) (AA).*

Заметим, что в материалах СМИ декларативная трансляция невозможна, поэтому популяризованная форма 1-го лица перекочевала в публицистические тексты только с учетом дискурсивной тактики объективации информации за счет ссылки на источник – третье лицо, стоящее в позиции внешнего наблюдателя-интерпретатора: «[они] утверждают, что я вдохновляю»:

- (31) *Я получаю много смс от незнакомых людей, которые пишут, что я их вдохновляю, что они следят за моими сторис в инстаграме (К. Салмин. «Миссия Ульяновск». Как сложилась судьба победительниц конкурса // mosaica.ru. 2019) (AA);*
- (32) *Никита Дубенчук: «Говорят, что я вдохновляю» (Центр адаптивного спорта, csi-ugra.ru, 2015) (AA);*

- (33) *Добился ли я успеха? <...>. Мне пишут люди, что я их вдохновляю, – наверное, этим можно измерить успех. Всё равно главное – не останавливаться* (А. Шилин. Александр Байтурин: «Я умру раньше, чем закончу с паркурром»: история одного трейсера. 2021) (АА).

5. Принцип *я вдохновляю* как идея ценностного кластера для профессионального ребрендинга

Ценностные категории давно стали предметом специального внимания и исследования в коммерческом секторе, поскольку уже сформировавшиеся ценности кладутся в основу разработки маркетинговых стратегий и тактик позиционирования товара, услуги, компании: «Актуализация ценностей целевой аудитории и нивелирование исходных неаттрактивных концептов служат действенным инструментом лингвистического маркетинга» [Бочарникова, 2012, с. 149]. Неслучайно рекламные тексты опираются на категории «здоровье», «семья», «добро», «помощь», «красота» и др. Аксиологический потенциал рекламы – один из факторов привлечения потребителей. Концепция «я вдохновляю» выступила новой ценностью, как нельзя лучше удовлетворяющей запросу поиска значимых установок в среде потенциальных покупателей товаров и услуг.

Кроме того, интерес к новой выкристаллизовавшейся нематериальной ценности проявили представители таких профессиональных сфер, которые предполагают деятельность в области построения человеческих взаимоотношений: психологи, коучи, инструкторы, тренеры, педагоги и др.

Таким образом, слово *вдохновлять* благодаря декларативному варианту дискурсивной реализации (*я вдохновляю*) обновило свою востребованность в речевой практике (приобрело высокую частотность) и закрепилось в профессиональном дискурсе: в области педагогики, психологии, маркетинга и менеджмента, в частности в индустрии красоты и здоровья, где оно активно осваивается:

- (34) фрагмент научной статьи, где приводятся формулировки миссии, видения будущего и ключевых ролевых функций менеджера, среди которых: *я вдохновляю – я учу на своем личном примере, что все люди равны и что трудом можно достичь желаемое* [Мищенко и др., 2005, с. 202];

- (35) фрагмент научной статьи, где педагог выдвигает идею «нежной педагогики», или «педагогики нежности», и утверждает, что общение с учениками базируется на умениях: *вижу Другого, слышу Другого, желаю блага Другому, **вдохновляю** Другого, уважаю внутренний мир и способности Другого* [Щуркова, 2009, с. 211];
- (36) декларация профессиональной миссии психолога на личном сайте: *Здравствуйте! Меня зовут Татьяна, я путешественник и лайф-коуч. Я **вдохновляю** людей на воплощение мечты в жизнь* (Т. Лихограева // Дом путешественника, 2016) (АА);
- (37) декларация профессиональной миссии стилиста: *Стилист из Петербурга Ирина Петрова: «Создаю красоту. **Вдохновляю**»* (Е. Огаркова // Северная неделя: издательский дом, 2020) (АА);
- (38) текст видеозаписи психолога в блоге: *С Вами на связи Татьяна Лемешко, психолог, коуч и арт-терапевт <...> Я вам предлагаю сделать такую практику: весь день наблюдать за собой и смотреть, что я делаю хорошо, что у меня хорошо получается – кого-то поддержать, кого-то выслушать, сделать четко работу, протруктурировать работу, что-то организовать, кого-то **вдохновить*** (Т. Лемешко. Вдохновляемся собой: утренние эфиры // YouTube. 2017) (АА);
- (39) фрагмент из книги бизнес-тренера: *Ключевое отличие инновационного лидера – способность смотреть в будущее, **вдохновлять и вести за собой команду, создавать и внедрять инновации в городах, регионах, стране*** (Т. Индина. CEO 2.0: тренинг руководителя нового поколения, СПб: Питер, 2014).

Почему миссионерский постулат «я вдохновляю» приобрел такую популярность? Нельзя говорить об уникальности и изолированности выражаемой им идеи. Наоборот, перед нами частный выразитель глубоко внедренных в новую культуру концепций влияния, широкого информирования о собственных достижениях и обучения. Жизнеспособность заявлений о «намерении вдохновлять» как предназначению и программе действий поддерживается включенностью этой ценностной реализации идеи влияния в общий ряд таких «трендов» современности, как *сопровождение, наставничество, тьюторство, консалтинг, тренинг, мотивация, история успеха*. Именно на это указывает контекстное соседство слова *вдохновлять*

с номинациями *мотивация*, *мотивировать*, так как глагол здесь по сути синонимичен анализируемому слову:

- (40) пост психолога в блоге: *Мне интересно знать, как вы вдохновляете и мотивируете себя?* (Н. Латунский, коуч. Где искать вдохновение. 2016) (АА).

Итак, в XXI в. мы наблюдаем ощутимый сдвиг в функционировании глагола *вдохновлять*:

1) эта языковая единица уверенно вошла в активный сетевой лексикон, соотносимый с речью представителей возрастной категории молодежи;

2) слово стало употребляться в 1-м лице ед. ч. *вдохновляю*, выражая миссию, личный или корпоративный манифест, декларацию намерений, в отличие от коммуникативного сюжета предшествующего времени, частично утратившей позиции;

3) лексема активно употребляется в синтаксически генерализованной позиции без сопровождения указаниями на объект, цель и инструмент (средство): *Я вдохновляю* (при нулевой реализации позиций *кого, на что, чем*);

4) глагол выступает синонимом слова *мотивировать* и расширяет лексико-семантическое поле влияния в русском языке.

Дело в том, что сетевая коммуникация породила зеркальные процессы: *культ наблюдения за чужой жизнью* и *культ влияния*, который породил зависимость от желания оказывать влияние, воздействовать на других людей. Мир интерактива разделился на влияющих и влияемых, и оказаться в числе влияющих стало большим соблазном. На этом фоне рождается новый коммуникативный сюжет: провозглашение и попытка целенаправленной реализации миссии «я вдохновляю» в сетевом общении с его возможностями постоянно вещать на широкую аудиторию. Закрепление в речевом узусе молодого поколения конструкции «Я вдохновляю» – несомненный эффект сетевой коммуникации и признак изменения коммуникативных ценностей.

6. Регулярное заполнение объектной валентности слова: *женщина вдохновляет мужчину*

Иногда за языковой единицей при сохранении традиционных параметров словоупотребления закрепляется устойчивый семантический, а вместе с тем и ценностный разворот, что находит подтверждение в частотном

воспроизведении одной и той же сочетаемости. В связи с этим нельзя выпустить из внимания еще одно направление рефрейминга глагола *вдохновлять*: на нем остановили выбор девушки, женщины для того, чтобы выразить понимание своей гендерной миссии.

Так, частотна сегодня коллокация *вдохновлять мужчину*:

(41) «Девочки, а как вы **вдохновляете** своих **мужчин**?» <...> «Напиши, как **вдохновлять** и мотивировать **мужчин**» <...> Долгое время я, как и моя подруга, считала, что умею **вдохновлять мужчин**, не зря они ко мне обращались за советом, готовы были просто так дарить подарки <...> Легко вдохновлять, когда ты в образе воздушной блондинки из глянцевого журнала <...> Но как **вдохновить** своего **мужчину**?» (Психология: Что вдохновляет мужчин: блог Анны Саакян // Glamour. 2018) (АА);

(42) Я выделила как минимум 3 формы вдохновения:

Вдохновение как эмоциональное состояние. Я вдохновляющая своего мужчину – т.е. я та, рядом с которой мой мужчина может отдохнуть, расслабиться, наполнить себя силами.

Вдохновение как целеполагание. Я очерчивающая возможные цели, которые важны для нас обоих. Тут можно привести крылатую фразу: «Я вдохновляю мужчину на подвиги».

Вдохновение как способ реализовать свои желания. Я вдохновляю своего мужчину на исполнение моих желаний (Надежда Сафьян. Я вдохновляю своего мужчину // Самопознание.ру) (АА).

Трансформации значения слова не происходит, его сочетаемость остается неизменной, однако подчеркивается один аспект: активно эксплуатируется один и тот же образ, соответственно одна из семантических валентностей слова устойчиво заполняется.

Воспроизводимость коллокации является свидетельством конструирования философии новой эпохи. В целом этот коммуникативный сюжет, отличный от прокомментированных выше его принадлежностью сфере личных отношений, а не общественных, продолжает традицию. Потенциал к развитию в этом направлении был у глагола *вдохновлять* всегда, ср. контексты более раннего времени, в том числе начала XX в.:

(43) *Отечество требует не только крови своих сыновей, но героизма и самоотверженности своих дочерей, их забот, их мужественно-*

го сердца, **вдохновляющего мужчин на битву** (Ф. Е. Зарин-Невицкий. За чужую свободу, 1910) (НКРЯ);

(44) *А женщина смотрела на нас и была горда, потому что находилась при своем деле, которое назначила ей Природа, – **вдохновлять мужчин на борьбу**, чтобы они воевали и охотились, были мужественны и могли бы стать достойными отцами поколений* (А. П. Хейдок. Песнь Валгунты, 1924–1934) (НКРЯ);

(45) *В книге рассказывается о **женщинах, вдохновлявших мужчин на творчество**, – от Сэмюэля Джонсона до Джона Леннона* (Мэлор Стуруа. Был ли Льюис Кэрролл педофилом // «Известия», 2002. 10.09) (НКРЯ).

Эти и подобные контексты вполне традиционны, в них существен целевой компонент: *вдохновлять на что* – с устойчивыми субститутами: *на творчество / бой / битву / борьбу / поступок / подвиг*. В таких высказываниях совершенно неактуален тот эгоцентрический компонент, который в укрупненном виде предстает в пристрастном вопросе современной девушки ее партнеру: *Я тебя вдохновляю?*

Однако анализ сетевого дискурса все же выявляет ценностный конфликт между пользователями, выражающийся в наличии контрпозиции, ср. пост, размещенный на сайте психолога-мужчины, полемизирующего с точкой зрения коллег: *Женщина создана **вдохновлять** мужчину. Контакт полнится этой идеей* (Павел Зыгмантович. Женщины не вдохновляют мужчин. 2013) (АА). Явный аксиологический конфликт, демонстрация несогласия с тезисом влияния женщины на мужчину можно рассматривать как косвенное подтверждение навязчивости продвижения идеи (в данном случае коммуникативного сюжета) в определенный временной отрезок, в результате этого напора вызвавшей раздражение и отторжение.

Заключение

Итак, опираясь на тезис «слова суть отражения» [Кронгауз, 2010, с. 69], исследователь через языковые данные движется к осмыслению действительности, в частности – ее социокультурных параметров. Наблюдение над **изменениями**, накапливающимися в значениях известных слов, в оценоч-

ных и прагматических смыслах, позволяет строить предположения о том, как изменилось мироощущение, мирознание молодого поколения.

Если приложить к речевой модели *я вдохновляю*, регулярно воспроизводимой в сетевом молодежном дискурсе, разработанную Ю. Н. Карауловым концепцию языковой личности, понимаемой как «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык», «личность, реконструированная <...> на базе языковых средств» [Караулов, 2002, с. 38], то можно заключить, что реконструируемый собирательный образ языковой личности пользователей сети Интернет, принадлежащих к возрастной категории «молодежь», включает в себя такой параметр, как стремление к миссионерству. Слово *вдохновлять* в его современных семантических модификациях – это одно из средств лексической репрезентации феномена влияния (в частности, в социальных сетях), возведенного в разряд ценностей.

Обратившись к исследованию сочетаемости слова *вдохновлять*, мы опирались на давно принятый в качестве непротиворечивого тезис о том, что «семантические валентности вытекают непосредственно из лексического значения слова, характеризуют его как конкретную, отличную от других лексическую единицу» [Апресян, 1995, с. 120].

Валентности слова *вдохновлять* в настоящее время оказались модифицированными за счет закрепления за словом сочетаемости с обозначением особого актора «я», подчеркнувшим запланированный характер обозначаемого действия, т. е. «намерение вдохновлять», а также указавшим на источник мнения: так человек оценивает сам себя. Другое заметное изменение – появление таких дискурсивных словоупотреблений этого глагола, когда элиминируются из высказывания компоненты «объект» и «цель» (вдохновлять кого на что). Они подразумеваются говорящими или пишущим, однако всё же иллокуция здесь состоит в генерализации смысла, референтом которого является категория «жизненный план».

Можно констатировать, что глагол *вдохновлять* существенно переменялся содержательно, подвергся рефреймингу и в настоящее время стал выступать именем высокой самооценки и самопровозглашаемой миссии, т. е. цели или задачи, которую сам человек осознанно ставит перед собой, в то время как ранее это слово было маркером объективной оценки, транслируемой публично, выражало исключительно интерпретацию стороннего наблюдателя и служило вербальным признанием свершившейся незапланированно высокой миссии.

Список литературы

Акбаба Т. Экспериментальное обучение употреблению русских глаголов передачи информации: интеграция в программу университета им. Хаджи Байрам Вели // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 7–10. DOI 10.24411/1991-5497-2020-00659

Апресян Ю. Д. Избранные труды. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры; Восточная литература, 1995. Т. 1: Лексическая семантика. VIII с., 472 с. ISBN 5-88766-043-0

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с. ISBN 978-5-91244-133-2

Бородулина Н. Ю., Макеева М. Н. Социальная функция языка через призму выбора «слова года» // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 481–484. DOI 10.24412/1991-5497-2021-287-481-484

Бочарникова Н. В. Переводческая адаптация к ценностям целевой аудитории как инструмент лингвистического маркетинга // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 149–151.

Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. 1140 с. URL: <http://wordhist.narod.ru/> (дата обращения 18.05.2021).

Гридина Т. А., Ваулина И. А. Обьегзрить: новые феномены сознания современного российского социума // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 22–27.

Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 338 с. (Studia philologica). ISBN 978-5-9551-0541-3

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Эволюция ключевых концептов русского языка в XX веке: аспекты изучения // Вестник Рос. гуманит. науч. фонда. 2008. № 1 (50). С. 120–127.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. 264 с.

Касьянова Л. Ю. Новое слово как средство репрезентации обновляемой картины мира // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 6. С. 267–273.

Катермина В. В., Литириди С. X. Лингвокультурологические аспекты изучения новой лексики в условиях глобализации // Изв. Юж. федерал. ун-та. Филологические науки. 2019. № 4. С. 31–39. DOI 10.23683/1995-0640-2019-4-31-39

Коновалова О. Ю. Новые языковые образования как отражение социально-экономических реалий // Науч. тр. Моск. гуманитар. ун-та. 2020. № 3. С. 2. DOI 10.17805/trudy.2020.3.2

Кронгауз М. А. Ключевые слова эпохи // Слово.ру: балтийский акцент. 2010. № 1–2. С. 69–85.

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М., 2012. 479 с. ISBN 978-5-271-37661-0

Курьянович А. В., Охолина И. Е. Концепт “флешмоб” в современной российской лингвокультуре: к вопросу формирования и специфики языкового воплощения // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 243–253. DOI 10.17223/18137083/67/20

Левонтина И. Б. Старые новые слова // Русская речь. 2019. № 2. С. 7–16. DOI 10.31857/S013161170004461-6

Леденева В. В. О лексике современных коммуникативных сфер: семантический портрет слова *телевизация* // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Русская филология. 2012. № 6. С. 12–16.

Мищенко С. В., Пучков Н. П., Пономарев С. В. Разработка миссии, видения, политики в области качества, целей и стратегических планов при внедрении системы менеджмента качества в организации // Вестник Тамбов. гос. техн. ун-та. 2005. Т. 11, № 1. С. 198–211.

Никифорова Е. Б. Активный и пассивный словарный запас русского языка первых десятилетий XXI в.: динамические процессы // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2021. № 4 (157). С. 104–111.

Разумовская Е. А. Англо-американская лексика в языке молодежи // Учен. зап. Рос. гос. соц. ун-та. 2010. № 2 (78). С. 176–180.

Рацибурская Л. В. Социокультурные аспекты современных деривационных процессов // Acta Linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований. 2012. Т. 8, № 3. С. 337–355.

Урысон Е. В. Бродяга и божж: изменение образа бездомного в русском языке // Вопросы культуры речи. М., 2011. С. 67–72.

Федяева Н. Д., Демченков С. А. Неологизм «новая нормальность» в контексте свойств нормы // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 5 (60). С. 368–370.

Шаховский В. И. Креатемы в модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики. 2016. № 28. С. 324–333.

Шмелев А. Д. Еще раз о гордости в истории русского языка и русской культуры: от «демонской твердыни» к чувству собственного достоинств-

ва // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 2 (24). С. 257–277. DOI 10.31912/pvrl-2020.2.18

Шмелев А. Д. Язык и культура: есть ли точки соприкосновения? // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 1. С. 36–119.

Шулежкова С. Г. Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания // Научный диалог. 2019. № 9. С. 173–189. DOI 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189

Щетинина А. В. Ватник, брексит и крымшаш: к вопросу о лексикографировании новых слов с семантикой единения и вражды // Научный диалог. 2021. № 3. С. 139–155. DOI 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155

Щуркова Н. Е. Феномен общения в контексте нежной педагогики // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 1. С. 205–224.

Barinova I., Ovchinnikova I. On the semantics of the word *bespredel* in the literary Russian // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2020. № 11 (1). С. 375–385. DOI 10.31648/pw.5995

Borghini A. M., Barca L., Binkowski F., Castelfranchi C., Pezzulo G., Tumminelli L. Words as social tools: Language, sociality and inner grounding in abstract concepts // Physics of Life Reviews. 2019. No. 29. P. 120–153. DOI 10.1016/j.plrev.2018.12.001

Beltrama A. Social meaning in semantics and pragmatics // Lang Linguist Compass. 2020. № 14, e12398. DOI 10.1111/lnc3.12398

Pushkareva I. О лингвоаксиологическом исследовании регионального медиадискурса // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2018. № 9 (1). С. 239–249. DOI 10.31648/pw.3432.

Список источников и словарей

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения 05.06.2021).

НСИЗ – Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. / Сост. Т. Н. Буцева [и др.]; отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.

СлРЯ – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.: Наука; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание; английские эквиваленты; синонимы; антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. М.: Аст-пресс, 1999. 704 с.

References

Akbaba T. Eksperimental'noe obuchenie upotrebleniyu russkikh glagolov peredachi informatsii: integratsiya v programmu universiteta im. Khadzhi Bayram Veli. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2020, no. 4 (83), pp. 7–10. (in Russ.) DOI 10.24411/1991-5497-2020-00659

Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy*. 2nd ed. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury; Vostochnaya literatura, 1995, vol. 1: Leksicheskaya semantika, 472 p. (in Russ.) ISBN 5-88766-043-0

Barinova I., Ovchinnikova I. On the semantics of the word *bespredel* in the literary Russian. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2020, no. 11 (1), pp. 375–385. DOI 10.31648/pw.5995

Beltrama A. Social meaning in semantics and pragmatics. *Lang Linguist Compass*, 2020, no. 14, e12398. DOI 10.1111/lnc3.12398

Berezovich E. L. Russkaya leksika na obshch斯拉vnyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2014, 488 p. (in Russ.) ISBN 978-5-91244-133-2

Bocharnikova N. V. Perevodcheskaya adaptatsiya k tsennostyam tselevoy auditorii kak instrument lingvisticheskogo marketinga. *Initsiativy XXI veka*, 2012, no. 3, pp. 149–151. (in Russ.)

Borghi A. M., Barca L., Binkofski F., Castelfranchi C., Pezzulo G., Tummolini L. Words as social tools: Language, sociality and inner grounding in abstract concepts. *Physics of Life Reviews*, 2019, no. 29, pp. 120–153. DOI 10.1016/j.plev.2018.12.001

Borodulina N. Yu., Makeeva M. N. Sotsial'naya funktsiya yazyka cherez prizmu vybora “slova goda”. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2021, no. 2 (87), pp. 481–484. (in Russ.) DOI 10.24412/1991-5497-2021-287-481-484

Dementev V. V. Kommunikativnye tsennosti russkoy kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike. Moscow, Global Kom, 2013, 338 p. (in Russ.) (Studia philologica). ISBN 978-5-9551-0541-3

Fedyayeva N. D., Demchenkov S. A. Neologizm “novaya normal'nost'” v kontekste svoystv normy. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2016, no. 5 (60), pp. 368–370. (in Russ.)

Gridina T. A., Vaulina I. A. Ob"egerit': novye fenomeny soznaniya sovreennogo rossiyskogo sotsiuma. *Politicheskaya lingvistika*, 2013, no. 3 (45), pp. 22–27. (in Russ.)

Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. 2nd ed. Moscow, Editorial URSS, 2002, 264 p. (in Russ.)

Kasyanova L. Yu. Novoe slovo kak sredstvo reprezentatsii obnovlyаемoy kartiny mira. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2008, no. 6, pp. 267–273. (in Russ.)

Katermina V. V., Lipiridi S. Kh. Lingvokul'turologicheskie aspekty izucheniya novoy leksiki v usloviyakh globalizatsii. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2019, no. 4, pp. 31–39. (in Russ.) DOI 10.23683/1995-0640-2019-4-31-39

Konovalova O. Yu. Novye yazykovye obrazovaniya kak otrazhenie sotsial'no-ekonomicheskikh realiy. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 2020, no. 3, p. 2. (in Russ.) DOI 10.17805/trudy.2020.3.2

Krongauz M. A. Klyuchevye slova epokhi. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent*, 2010, no. 1–2, pp. 69–85. (in Russ.)

Krongauz M. A. Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva. 3D. Moscow, 2012. 479 p. (in Russ.) ISBN 978-5-271-37661-0

Kuryanovich A. V., Oholina I. E. Concept of “flash mob” in the modern Russian cultural linguistics: on the formation and specificity of language implementation. *Siberian Journal of Philology*, 2019, no. 2, pp. 243–253. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/67/20

Ledeneva V. V. O leksike sovremennykh kommunikativnykh sfer: semanticheskiy portret slova *televizatsiya*. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*, 2012, no. 6, pp. 12–16. (in Russ.)

Levontina I. B. Starye novye slova. *Russkaya rech'*, 2019, no. 2, pp. 7–16. (in Russ.) DOI 10.31857/S013161170004461-6

Mishchenko S. V., Puchkov N. P., Ponomarev S. V. Razrabotka missii, videniya, politiki v oblasti kachestva, tseley i strategicheskikh planov pri vnedrenii sistemy menedzhmenta kachestva v organizatsii. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2005, vol. 11, no. 1, pp. 198–211. (in Russ.)

Nikiforova E. B. Aktivnyy i passivnyy slovarnyy zapas russkogo yazyka pervykh desyatiletii XXI v.: dinamicheskie protsessy. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2021, no. 4 (157), pp. 104–111. (in Russ.)

Pushkareva I. O lingvoaksiologicheskom issledovanii regional'nogo media-diskursa. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2018, no. 9 (1), pp. 239–249. (in Russ.) DOI 10.31648/pw.3432.

Ratsiburskaya L. V. Sotsiokul'turnye aspekty sovremennykh derivatsionnykh protsessov. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistskikh issledovaniy*, 2012, vol. 8, no. 3, pp. 337–355. (in Russ.)

Razumovskaya E. A. Anglo-amerikanskaya leksika v yazyke molodezhi. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, 2010, no. 2 (78), pp. 176–180. (in Russ.)

Shakhovskiy V. I. Kreatemy v modeli yazykovogo soznaniya russkikh. *Voprosy psikholingvistiki*, 2016, no. 28, pp. 324–333. (in Russ.)

Shchetinina A. V. Vatnik, breksit i krymnash: k voprosu o leksikografirovaniy novykh slov s semantikoy edineniya i vrazhdy. *Nauchnyy dialog*, 2021, no. 3, pp. 139–155. (in Russ.) DOI 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155

Shchurkova N. E. Fenomen obshcheniya v kontekste nezhnoy pedagogiki. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*, 2009, no. 1, pp. 205–224. (in Russ.)

Shmelev A. D. Eshche raz o gordosti v istorii russkogo yazyka i russkoy kul'tury: ot “demonstroy tverdiny” k chuvstvu sobstvennogo dostoinstva. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2020, no. 2 (24), pp. 257–277. (in Russ.) DOI 10.31912/pvrl-2020.2.18

Shmelev A. D. Yazyk i kul'tura: est' li tochki soprikosnoveniya? *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2014, no. 1, pp. 36–119. (in Russ.)

Shulezhkova S. G. Russkie i bolgarskie frazeologicheskie neologizmy kak ob"ekt slovarnogo opisaniya. *Nauchnyy dialog*, 2019, no. 9, pp. 173–189. (in Russ.) DOI 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189

Uryson E. V. Brodyaga i bomzh: izmenenie obraza bezdomnogo v russkom yazyke. In: *Voprosy kul'tury rechi*. Moscow, 2011, pp. 67–72. (in Russ.)

Vinogradov V. V. *Istoriya slov*. Moscow, Tolk, 1994, 1140 p. URL: <http://wordhist.narod.ru/> (accessed 18.05.2021).

Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Evolyutsiya klyuchevykh kontseptov russkogo yazyka v XX veke: aspekty izucheniya. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, 2008, no. 1 (50), pp. 120–127. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

Babenko L. G. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkikh glagolov: ideograficheskoe opisaniye; angliyskie ekvivalenty; sinonimy; antonimy*. Moscow, Ast-press, 1999, 704 p. (in Russ.)

Evgeneva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka*. In 4 vols. Moscow, Russkiy yazyk, Poligrafresursy, 1999. (in Russ.)

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (accessed 05.06.2021).

Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka. In 3 vols. Comp. by T. N. Butseva [et alr.]; ed. by T. N. Butseva. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2009. (in Russ.)

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: In 17 vols. Moscow, Nauka; Leningrad, AS USSR Publ., 1948–1965. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент

Information about the Author

Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 09.11.2021;
одобрена после рецензирования 12.12.2021; принята к публикации 23.12.2021
The article was submitted 09.11.2021;
approved after reviewing 12.12.2021; accepted for publication 23.12.2021*